

Ночь выдалась поздней, дорога была свободной, и Шэнь Сичжоу снова вернулся в Суйюй Юньму.

Когда он взял чемодан и полез в кошелек за деньгами, дядя-водитель прижал его руку:

— Сегодня денег не возьму.

Шэнь Сичжоу нахмурился, его голос прозвучал жестко:

— Так нельзя.

Дядя-водитель улыбнулся, быстро вернулся на водительское сиденье и через очко окна сказал Шэнь Сичжоу:

— Доброе дело, которое мне нужно сделать сегодня, еще не закончено, так что считай, что ты мне помог.

— Желаю тебе благополучно найти этот ответ и больше не блуждать.

Такси быстро уехало. Шэнь Сичжоу поднял голову и посмотрел на вывеску гостевого двора — на входе вовсю горели два фонаря и несколько гирлянд с мелкими разноцветными огоньками.

Он долго стоял у входа, не двигаясь с места, и когда уже собирался развернуться и уйти, кто-то окликнул его сзади:

— Шэнь Сичжоу.

Шэнь Сичжоу слегка задеревенел и обернулся.

Он посмотрел на Хэ Цюяня сквозь цветную пелену темноты.

— Надолго в этот раз? — Хэ Цюянь подошел ближе, и Шэнь Сичжоу почувствовал запах алкоголя — совсем не отталкивающий. В винном амбре растворялся и произвольно струился шлейф аромата сандалового дерева.

Его тон был ровным, а выражение лица — предельно спокойным. Ни малейшего намека на сомнения или праздное любопытство, и от этого вернувшемуся сюда Шэнь Сичжоу стало чуточку легче.

Шэнь Сичжоу ответил честно:

— Не знаю.

— В заведении акция: при продлении проживания на месяц скидка... тридцать процентов. — Хэ Цюянь немного выпил, и когда он улыбался, его глаза заволакивала туманная дымка хмеля.

Как еловый бор, безжалостно придавленный тяжелыми пластами снега, — стройный, суровый, но благодаря украшениям из снежных хлопьев обладающий неким манящим контрастом.

Таковыми были глаза Хэ Цюяня, думал Шэнь Сичжоу: отстраненные, безжалостные, словно смотрящие на всё со стороны.

— Тогда поживу месяц, — услышал он собственный голос.

Хэ Цюянь моргнул и произнес:

— Хорошо. — Они вместе направились в дом, и только тогда Шэнь Сичжоу заметил, что у гостевого двора есть небольшой садик.

Он замедлил шаг, желая получше разглядеть убранство двора.

Но то и дело спотыкающаяся походка Хэ Цюяня, их случайные столкновения плечами и мгновенные отходы в стороны заставляли его погружаться в рассеянное оцепенение.

Шэнь Сичжоу впился ногтями в собственную ладонь, его губы были крепко сжаты.

— Разожми руку, — сказал Хэ Цюянь. — Хватит себя царапать.

Шэнь Сичжоу рефлекторно разжал пальцы и, машинально с облегчением вздохнув, тут же настороженно и отчужденно покосился на Хэ Цюяня.

Хэ Цюянь опустил взгляд на Шэнь Сичжоу, игнорируя скрытую в глазах собеседника дрожь, тревогу и... страх.

Он отвел взгляд и спросил:

— Ответь мне на один вопрос.

— ...Какой? — тихо отозвался Шэнь Сичжоу.

— Я хочу знать... — Хэ Цюянь на мгновение замолк, подняв голову к ночному небу, усыпанному

звездами, — что тебя удержало?

Шэнь Сичжоу внезапно лишился сил, он совершенно не понимал Хэ Цюяня.

Колесо чемодана застряло, Шэнь Сичжоу остановился, наконец получив возможность свободно вздохнуть. Хэ Цюянь потер переносицу и пошел дальше, не собираясь предлагать помощь — впрочем, Шэнь Сичжоу в ней и не нуждался.

Напротив, холодное равнодушие Хэ Цюяня позволяло ему чувствовать себя более уютно и свободно.

Однако Шэнь Сичжоу, глядя ему в спину, на редкость послушно ответил:

— Звезды.

Хэ Цюянь замер и очень медленно обернулся к нему.

Шэнь Сичжоу улыбнулся: раз уж предстоит прожить здесь целый месяц, нужно вести себя более-менее нормально, поэтому он чрезвычайно дружелюбно указал Хэ Цюяню на ночное небо и повторил:

— Звездное небо здесь очень красивое.

— Я решил получше рассмотреть его, — с улыбкой произнес он под шатром мириадов звезд и мерцанием цветных гирлянд.

Глава 5. Неразрешимая задачка

Шэнь Сичжоу не лгал.

Он по-прежнему почти не выходил из дома: до сих пор самой дальней его дорогой было путешествие после полудня на другую улицу, чтобы съесть миску лапши.

Судя по нерегулярным наблюдениям Хэ Цюяня, чаще всего он и впрямь задирает голову вверх.

Но главным зрелищем становилось время глубоко за полночь, когда все огоньки в гостевом дворе гасли один за другим. Шэнь Сичжоу набрасывал на плечи плед, выходил из комнаты и в одиночестве садился на диванчик в дальнем углу маленького сада, неумоимо и с неподдельным интересом глядя ввысь.

Как-то раз на рассвете Хэ Цюянь стоял здесь, погруженный в раздумья, и понял, что этот

пятачок земли и вправду идеален для наблюдения за звездами.

В те ночи, когда звездное небо было особенно ярким и густым, Хэ Цюянь мог разглядеть на бесстрастном, нелюдимом лице Шэнь Сичжоу некое подобие воодушевления. Эта скудная искра оживления украшала его, и тогда Шэнь Сичжоу наконец начинал соответствовать своему цветущему возрасту.

Если же звезд выпадало мало, вид у Шэнь Сичжоу делался унылым и донельзя несчастным.

Проходя сегодня мимо маленького сада, Хэ Цюянь невольно бросил взгляд на Шэнь Сичжоу и машинально задрал голову к небу.

И верно, ночное небо сегодня было темным-темным, Юй Сяоянь, словно перевернутая коробка чернил, пролитая на цветной холст, — густейшая тьма, способная заглушить и стереть любые краски.

Нарушая тишину, он неожиданно и несколько бесцеремонно подал голос:

— Тебе не холодно?

— Что? — Шэнь Сичжоу, внезапно вырванный из раздумий, растерянно посмотрел на Хэ Цюяня и виновато, с натянутой улыбкой произнес: — Прости, я тут немного отвлекся, не мог бы ты повторить?

Хэ Цюянь стоял перед диваном, глядя на Шэнь Сичжоу сверху вниз, и вдруг выдал невпопад:

— Ты напоминаешь мне... одного... моего друга.

Шэнь Сичжоу промолчал.

Удивительное дело: гостевой двор в ночное время почти всегда погружен в тишину, словно старое дерево, к которому прикасаются и о котором вспоминают лишь днем — точно рождественская ель, обретающая смысл только на праздник.

Шэнь Сичжоу нравилось это безмолвие, но за эти десять дней он стал свидетелем не только его, но и выходящего по ночам из спячки Хэ Цюяня.

Дневной Хэ Цюянь всегда был со всеми учтив, улыбался мягко и тепло, но ночью казался до странного хрупким.

Шэнь Сичжоу снизу вверх посмотрел на Хэ Цюяня, а через него — на висевший позади серп

луны.

Луна была затянута тонкой вуалью, мутная и нечеткая. Шэнь Сичжоу подумалось, что она похожа на его собственное сердце, но еще больше — на глаза Хэ Цюяня.

Тусклые, размытые, без четких границ, утопающие в плоти безбрежной ночи.

— Все в порядке, — вежливо улыбнулся он, с готовностью ответил на вопрос Хэ Цюяня и тут же перешел к дежурной любезности: — Опять ходил выпивать?

Хэ Цюянь усмехнулся:

— Не против немного поболтать?

То самое чувство неуютности снова подступило к горлу, но сейчас Хэ Цюянь ведь вовсе не сверлил его взглядом, да и держались они на идеальной социальной дистанции.

Ну и ночь сегодня выдалась странная: звезд так мало, да еще этот несговорчивый босс неожиданно сделал крюк и остановился рядом с ним.

Шэнь Сичжоу прикусил уголок губ и уклончиво ответил:

— Не против, но я не слишком мастак вести беседы.

Хэ Цюянь сделал широкий шаг и опустился рядом с ним на диван, хотя между ними все же оставалось расстояние примерно в один корпус, отчего напряженное сердце Шэнь Сичжоу чуть-чуть успокоилось.

В большинстве случаев, возвращаясь поздно, Хэ Цюянь пах алкоголем — очень слабо, неумоительно и даже приятно; пожалуй, благодаря тому едва уловимому аромату сандала, что исходил от него.

Хэ Цюянь откинулся на спинку дивана, запрокинув голову, и потер пальцами переносицу.

Шэнь Сичжоу плотнее запахнул плед, укутав в него каждый дюйм обнаженной кожи, и понимающе напомнил:

— После выпивки всё же лучше ложиться спать пораньше.

Хэ Цюянь тихонько усмехнулся. Голос у него был обволакивающий, смех — на редкость вкрадчивый, словно рыболовный крючок.

Шэнь Сичжоу слегка потерял нить мыслей.

Хэ Цюянь произнес:

— Эти звезды... неужели так притягивают?

— А по-твоему? — Шэнь Сичжоу неожиданно повернул голову, заглядывая в глаза Хэ Цюяню, но из-за запрокинутой назад головы собеседника толком ничего не разглядел, поэтому снова отвернулся и спросил: — Ты живешь здесь давно, наверное, ощущаешь все иначе.

— Обыкновенные, примелькавшиеся виды, что тут может быть иначе, — покачал головой Хэ Цюянь, и его голос прозвучал глухо. — Никто не смотрит на них так, как ты.

Шэнь Сичжоу улыбнулся и небрежно бросил:

— Правда? — Выждав паузу, он заговорил снова, и в его голосе прозвучало неподдельное любопытство: — А как это — «так»?

Хэ Цюянь выпрямился и уставился на Шэнь Сичжоу. Непроизвольно сжав ладонь в кулак и прикрыв им рот, он дважды кашлянул, а затем медленно, слово за словом произнес:

— Задирать голову, замирать на месте, быть зачарованным.

И тогда Шэнь Сичжоу снова увидел эти глаза — подернутые туманной дымкой, с влажным блеском, неведь откуда поднявшимся со дна зрачков и обвивающим его душу. Взгляд, которым он буравил человека, ничем не отличался от ударов хлыста, погоняющего коней.

Шэнь Сичжоу отвел взгляд, отвернулся и принялся тереть пальцами цветок на обивке дивана, сминая тычинки.

Непонятно отчего к горлу подступило тошнотворное ощущение, грозящее перерасти в жжение. Но тут подул холодный ветер, плед соскользнул с плеча, Хэ Цюянь придвинулся ближе и протянул руку, чтобы подтянуть его на место. Его ладонь неизбежно легко коснулась плеча Шэнь Сичжоу, а густой древесный аромат нахлынул с новой силой, подавляя внезапную тошноту.

Шэнь Сичжоу судорожно втянул носом воздух, подвинулся в сторону и вежливо произнес:

— Спасибо.

Хэ Цюянь спросил:

— Будешь смотреть дальше?

Шэнь Сичжоу ничего не ответил, лишь обронил:

— На самом деле ты ведь тоже задерживаешься ради них.

Хэ Цюянь молча сверлил взглядом его профиль.

Шэнь Сичжоу спокойно продолжил:

— Задерживаешься же.

Его голос в эту морозную ночь звучал гораздо мягче, а вопросы, полные сомнений, произносились с непоколебимой уверенностью.

Хэ Цюянь поднял голову, прослеживая направление его взгляда:

— Ты так и не ответил на мой вопрос.

— Эти звезды... неужели так притягивают?

— Не знаю, — Шэнь Сичжоу моргнул пересохшими глазами и ответил честно. Он и сам не понимал, зачем снова переспросил: — Ну а ты? Ты задерживаешься ради них?

Хэ Цюянь снова откинулся на спинку дивана, прикрыл глаза и лениво протянул:

— Нет.

— Мне просто любопытно.

Шэнь Сичжоу приподнял брови, изумленный и озадаченный:

— И что же тебе любопытно?

— Любопытно, чем они так отличаются, — Хэ Цюянь открыл глаза, — что заставляют тебя сидеть здесь ночь за ночью.

— Хэ Цюянь.

<http://bllate.org/book/25607/3053986>